

И.Н. Пальмов

Человечики

18+

Иван Николаевич Пальмов

Человечики

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43436221

SelfPub; 2021

Аннотация

Эта книга о том, чего стоят мечты, о дружбе и том, что в конце концов должно победить. Свобода и одиночество, так близко граничащие и едва не размытые между собой, балансируют в поисках граней. Здесь будет немного людей и только один пес, множество ощущений и самобытный мир. Этот мир похож на сон, и приключения в нем такие же, так что не стоит удивляться, куда делось одно и откуда возникло другое.

Иван Пальмов

Человечики

Бог создал человека по образу своему и подобию.

Ходячих на задних лапах,

Много ли вас дураков

Стоят по улицам в шляпах

Как я не боящихся снов?

Человек не может знать обо всем, потому что этот мир не его. Положим, каждый в детстве рисовал каляки-маляки, которые понимал только он, объяснял всем, где же и что он нарисовал. Как бы кто не старался понять, сам никто не догадается. В этом и есть наше подобие, от которого мы так стремимся уйти. Сотворив, что-либо сам, пусть то даже рисунок, не похожий ни на один другой, человек в какой-то степени становится его богом. Миром управляет не тот, кто стремится его осознать, а тот, кто его создает. Знание порождает новые вопросы, кратно возрастающие с каждым новым ответом. Когда они закончатся, если вселенная бесконечна?

«Nil permanent sub sol». Как бы ни интерпретировали эту фразу, сути в ней не больше чем в яйце и курице. Можешь гадать сколько угодно, но кто-то один знает наверняка. Его мы и называем Богом.

Пролог

Каждый из нас псих, хоть и не все этого хотят, хоть многие скрывают. Не сочтите за оскорбление, я не назвал вас шизофрениками, а по сути, так почему бы и нет, это ведь тоже может быть, правда – одна из граней. В психушке лежат не такие уж и уникальные люди, отличие их только в том, что они сами этого хотят или просто не справились. Придурки не справились со всеми человечками как вы, они их просто не смогли удержать.

Я и еще один почти такой же. Его звали Боб. Я звал его Бобом, потому что он сам хотел, чтобы его звали Бобом. Как его звали на самом деле, я не знаю, но вполне возможно, что действительно Боб. Мы замыкали кольцо одного маленького события, которое для нас становилось всем. Кольцо это было дорогой, что мы шли на концерт и после него. Так бывает, иногда еще не случившееся кажется уже произошедшим, предвкушение или *déjà vu*, я бы это назвал памятью будущего.

По нам обоим тек пот, от бешенства и счастья, которое творилось с нами всего минуту назад. Мы дышали полной грудью безумного и невинного торжества, готовые выброситься хоть из под самых небес, и не боясь разбиться в лепешку. Крылья вот-вот вырвались бы при следующем вздохе. Я перевел дыхание.

– Если я пропущу их следующий концерт, то только если умру, ты прав – это круто, – на выдохе прорычал Боб.

Дальше мы уже почти и не говорили, только выдавали

короткие междометия, подтверждающие наше восхищение. Тем временем солнце уже готово было начать новый заход на холодное осеннее утро, а дожидаться его нам бы пришлось на улице, до дома идти было совсем далеко. Мы брели по пустому мосту через реку, голодные и уставшие, но жутко довольные.

– Смотри, вроде гостиница, – Боб увлек мое внимание на двухэтажное здание через дорогу от моста, на котором вовсе и не было ни каких указаний по поводу его функционирования. Может, это вообще ДК какое-нибудь было? Кто уж теперь знает.

– Может домой все-таки? – предложил все же я.

– Если доползем. Далеко ведь. Ладно, пошли, – с паузами пробурчал Боб.

–Ну, пошли...

Мы дома, лежим оба, так и не спим. Остаточная эйфория не дает сомкнуть глаз. Я все еще помню, как пристально пялился в белый потолок, который, то приближался ко мне, то уходил под самое небо. В один момент перед глазами пропала штукатурка, все стало белым бело, окутало словно облаком. Тут я, верно, уснул, но все еще продолжал думать, пытаясь сквозь сон рассказать что-то Бобу. Мы твердо помнили о том, что задумали. Все наши мысли хоть были отдельные, тем не менее, каждый знал, как-то догадывался, что твориться в голове у другого. Нам ничего не стоило обсудить план

действий на сегодняшний день. Впечатлительность видимо была нашей общей чертой. И если уж на то пошло, когда как не сегодня нам осуществлять свою заветную цель. Выбитую на фалангах пальцев и продравшую всю глотку. Отсыревшую в полутемном подвале репетиционного зала и ввевшуюся в самые недра чертогов собственных «крыш».

Утро для нас началось поздно, но едва собравшись мыслями, без обсуждения мы взяли гитары и отправились ловить удачу. В юных головах каждое событие казалось знаменем, потому именно сейчас, и не часом позже. Повезет обязательно. Так думали мы оба.

– Пойдем еще, может, куда и возьмут. Чего уж сразу то? – это был уже пятый бар, в котором нам отказали, но в голосе Боба не было и оттенка печали.

– Знаешь, мне даже нравится шататься по этим барам, хоть и без толку. Романтика ей богу, – с оттенком сарказма, но не без лихой доли правды выпалил я.

Зима подбиралась аккуратно по улицам, припорошивала снегом, а осень все не могла уняться и проливала бесконечные хлипкие дожди. По городу то и дело слышишь, как бранят погоду и только-то о ней и речь. Сказать, кому-то сейчас известную поговорку о прикрасах любой погоды, было сродни оскорблению чувств бедствующих. В свою очередь, я из последних дыханий смаковал уходящую осень.

– Вот дали бы сыграть что-нибудь, хоть одну вещь и сразу бы взяли, – будто вопросом вымолвил Боб.

– Денежки берегут, жадные сволочи, а что за бар без музыки? – мой вопрос прозвучал как-то риторически, – может, мы выглядим слишком интеллигентно? – тут я вновь вставил вопрос, уже более насущный, нежели прежний.

– Ага, прям симфонический оркестр, – выдавил из себя Боб сквозь короткие смешки. Потом почесал затылок и добавил, – может ну их?

– Э нет месье, давай закончим похождения, а потом – ну их! – из меня тоже выпрыгнул маленький смешок.

А выглядели мы действительно довольно прилично для панк-рок музыкантов. С другой стороны оффспринг тоже рок-н-ролльщики и в прилежном внешнем виде их ни кто не упрекал.

Если мысленно отбросить с наших спин гитары, мы мало чем отличались от обычных ребят, студентов например. Один светловолосый, другой потемнее, похожие на всех, но только не друг на друга.

Добравшись, наконец, до очередного бара мы вдруг остановились. Не говоря ни слова, мы простояли возле заведения минуты две и когда оба из нас уже, казалось бы, нашли что сказать, переглянулись и пошли внутрь.

Рисунок первый (нарисуй сам). Глава один.

...

Шаги даются тяжело, будто в болоте. Неважно, главное, что я иду. В невероятно белом зареве как будто что-то на-

чало проявляться, как чернила на промокашке. Я все пытаюсь устремить взгляд вперед и отыскать что-нибудь там, а его все нет и нет. До меня вроде доходит. Мои ноги идут, руки усердно машут вдоль тела. Я вижу себя.

...

Выделяясь вычурной вывеской среди всех остальных, этот бар казался нам непохожим во всем. Андеграунд этого заведения был и в его месторасположении, его нельзя было найти, просто наткнувшись внезапно, он находился среди узеньких улочек, глубоко ото всех. Если бы не вывеска, мы бы прошли дальше, так ни когда и не узнав о нем. Тогда мы подумали, как же нам повезло. Над железной дверью красочно горели слова – «Королева роз».

«Королева роз» вряд ли ждала в тот день именно нас, и потому, мы наверняка и утонули в общем шуме огромного бара.

– Тут сегодня концерт, наверно, – я попытался выразить свою версию по поводу толкотни и безумного гвалта.

– На концерты не пускают бесплатно, – Боб уткнулся носом в стену и что-то вычитал, – о, сегодня свободная сцена. Это наш шанс дружище, – на лице Боба расплылась улыбка, и он хлопнул меня по плечу, а я, обняв его голову, потощал нас на сцену.

Спустя час бешеного слэма и непрерывных воплей, доносящихся со сцены, выступали уже мы. Честно сказать я даже не понял, сыграли мы песню или нет. Мы шли по ко-

ридору, жали кому то руки, нас подбадривали, а что произошло, я напрочь забыл.

Вот я подношу ко рту сигарету, зажигаю огонь и краем глаза замечаю нечто, как будто улыбку, Чеширский кот, не иначе. Я понимаю, что в моей жизни случился самый яркий момент, а вспомнить его не могу. Положив зажигалку на место и вынув изо рта сигарету, с минуту промедлив, я все же сказал:

– Пойдем

– Покури пока, я за пивом схожу, – все это время Боб был рядом. С ним тоже что-то не так, но он не подал виду.

– Не буду я пиво, – мои слова наверно так и остались на языке, среди общей толпы веселья, я выглядел действительно глупо. От вспышки веселья осталась лишь улыбка, ни сколько не гармонирующая с моим каменным лицом. Неужто это был мой главный спектакль и лучшую роль кто-то отыграл за меня? Нахальный воришка украл мое тело и вернул без мечты.

Боб как обещал, вернулся с пивом и тут сказал:

– Пошли, поговорим с ними.

– С кем? – слегка удивленно спросил я.

– С Энди Уорхалом блин, пошли, давай. – было ощущение, что Боб делает это именно для меня и делается это не просто.

– С хозяином что ли? ну пошли, – мне ужасно не хотелось, и не понять теперь зачем согласился.

– Говорят нормальный мужик.

Кто именно и что успел рассказать Бобу о владельце бара не известно. Однако, именно Боб каким-то образом умудрился записать их сегодня.

– О, здрасте! – словно крикнул Боб, и не успев войти в гримерную из нее вышел бармен, высокий седой мужчина с усами почти как у Сальвадора Дали.

– Ребята, если хотели выступить, выступите в следующий раз, мы закрываемся.

– Вы наверно забыли, но мы как бы уже... – Боб попытался выкрутиться из неловкой ситуации, получилось тоже как то неловко.

– Что вам надо?

– Мы музыканты, мы играть у вас хотим.

– В баре – добавил я.

– Даже если бы я видел вас на сцене, и предположим мне даже понравилось... Нет. Не до вас ребятки ей богу. – с этими словами усатый отправился, наверное, куда и шел. Мы снова остались с носом, лишь с той разницей, что это был наш лучший шанс.

Рисунок второй (надеюсь, у тебя получается). Глава вторая.

Хоть один звук услышать, долго же я иду. Я пытаюсь вспомнить песню, мычу себе под нос и ни чего не слышу, перехожу на крик и все равно ничего. Тишина мне всегда

правилась, в ней можно создавать что угодно, непременно зная, что именно ты создатель. Тишина как белый лист, из которого может получиться все. На грязном же полотне идеальным будет лишь черный квадрат, а его уже создали, так зачем же делать то, что получится заведомо хуже?

Мысли есть, тело тоже на месте, нужно всего лишь воспроизвести слово. Я как маленький ребенок, вроде и просто, а для меня работы на целый год. Как же быть? Раз есть ноги и главное руки, значит, руками я могу проверить и все свое тело. За доли секунды я обшарил все свое тело, залезая пальцами в рот, уши, глаза и тут я упал. Мне казалось что должен был упасть, но не успев опомниться, снова оказался в вертикальном положении. Земли то здесь нет, и пола тоже ни какого, откуда им взяться, их ведь нужно придумать.

...

Дорога домой оказалась похожей на ту что мы уже шли, с одной только разницей, что если в тот раз мы словно издали первый младенческий крик, то теперь явно приготвили сматывать удочки. Будто каждый из нас уже купил себе места на кладбище, и мы как два старых деда все еще не верим что эти места для нас.

– Не взяли и черт и сними, – в десяти метрах от меня Боб кричал мне, пытаюсь переорать ветер, он цеплялся за поручни на мосту и шел впереди и ему явно было не все равно.

– Ты так говоришь потому что не вышло, а было бы тебе все равно если бы взяли? – я разевал широко рот, но даже

не пытался кричать, гнева во мне не было, опустошение какое-то, не иначе, но не гнев.

– В большей степени это зависит от того, чего ты хочешь. Скажи себе, что сделает тебя счастливым и поймешь все ли тебе равно. Скажешь это вопрос сложный, нет брат, ты всегда это знал.

– А чего хочешь ты? – с того самого момента в курилке, я впервые проявил интерес. Мне было действительно плевать на фиаско в «Королеве роз», вовсе меня не трогало ничего, что было до и после. Одна навязчивая мысль только билась в голове как рыба из сети: «как мне случилось остаться без мечты?». Исходный момент был в вопросе ко мне, на который я не мог ответить, а потому и задал его Бобу.

– Я хочу дойти до конца, сделать. У нас был шанс, а может, не было и это не важно, главное верить. Я хочу верить, что получится, – сказав это, я уже знал, что он непременно спросит и меня. А что ответить мне, теперь, когда, может, впервые в жизни я не могу разделить его чувств, когда одним своим словом я могу увести не туда. Я знал, что не должен стать эгоистом. И он спросил:

– А чего хочешь ты?

– Свободы – я произнес слово так, как должно оно звучать. Выдохнул с ним всю свою душу. Говоря, я даже не знал, лож ли это, – свобода, самое ценное в жизни человека, никто не вправе лишить его этого дара, одно лишь правило могло бы сделать мир идеальным. К величайшему сожалению

грань свободы невозможно определить в той степени, где она перетекает в одиночество. На заре своего рождения человек выбрал сторону, он ушел от одиночества, но вместе с тем потерял свободу. – вперед спиной, я шел чеканя свой монолог как из книжки, но пред последней фразой повернулся, – реальность кусается и она съест меня вместе с тобой.

Рисунок третий (можно и лучше). Глава третья.

...

В причудливой позе, вообразив, будто сижу, я закинул ногу на ногу, обхватив колени. Мои думы сводились к тому, чтобы взять что-то в руки или просто пощупать. Вот уже потеряв всякую нить, мои пальцы начали плавно выводить кривые линии. Сознание включилось не сразу и наконец, до меня дошло, я рисую. Я попробовал дальше, в надежде, что из этого выйдет материя, которую можно было б потрогать. Пожалуй, нужно быть идиотом, первой же фигурой нарисовать солнце. В моем-то положении и солнце. Тут света и так до жути, а я, видите ли, солнце вырисовываю. Осознав глупость, я решил, что мне бы не помешал стул. Не очень-то ловко каждый раз так сворачиваться, чтобы присесть. Я представил его в деталях, до каждого гвоздика и наконец, спустя уйму времени, у меня появился бледно серенький маленький стул. Соблазн присесть на него с размаху был велик, но страх разрушить свое творение взял верх. Аккуратно, как только было возможно, боясь, как бы стул не превратился в дым, затаив дыхание, я коснулся по нему рукой.

—Он настоящий! — выкрикнул я, и, осмотрев со всех сторон свое детище, я медленно сел.

Мой голос по-прежнему не выходил из уст и следующей проблемой, которую я надумал решить был звук. На стуле мне рассуждалось куда приятней. Я поздравил себя с первой победой.

...

Легкой дымкой охватило реку, туман поднимался выше, и вот уже заволокло весь мост. Сойдя с моста, Боба я не увидел, и просто побрел дальше. Нам обоим в этот момент захотелось тишины. Отдать все, чтобы тебя оставили в покое.

На отшибе города у оврага, стоял невзрачный, но при этом большой серый дом. Этот дом стал мне кровом на непродолжительное, но в моем случае не малое время. Наверняка и Боб нашел себе такой приют, где до тебя никому нет дела, просто потому, что и рядом ни кого нет. И я был бы только рад, если бы он сразу забыв обо всем, снова продолжил наш путь один. Ну а пока я знал только то, что у меня был дом. Дом предназначался для одной семьи и был не достроен, а поскольку с деньгами у них было туго, то и строить его было некому. Меня взяли, вроде, как на работу. Я достраивал дом, а взамен мне разрешили там жить. Вот так с холодного осеннего утра моя жизнь поместилась за четыре стены серого дома.

Ночи ходят под луной

Ты поди-поди за мной

На высокий бережок
Да с мосточка в реку скок!
Пролетая в междуречье
Ты схвати ее за плечи,
Порасправь крылаты руки
Улетишь и ты от скуки
Рисунок четвертый (рисуешь, рисуй). Глава четвертая.

...

В бескрайних просторах непроглядного горизонта на стуле сидел человек и этим человеком был я. Я сидел на стуле, а шло ли тут время? Нужно ли его кому отмерять? Однако сидел я невероятно долго.

«Хоть одного паучка найти, букашку мертвую в углу, да где уж, нет здесь углов. Только не впадать в отчаянье», – думал я про себя, старясь усмирить гнев. Пространство вокруг стало навязчивым, куда бы я не пошел, кругом было все одинаковым – белым. Легкие вкрапления оттенков пытались вмешаться в белизну, но тщетно, они все равно оставались белыми. Наконец этот ужасный стул, который я проклинал, едва ли, не раньше, чем создал. Стул везде меня находил, я оставлял его, старался отвязаться, пинал, но через равное количество времени он все равно меня находил. Неизвестно, как в этом пространстве перемещаются стулья, но мой стул всегда делал это незаметно.

– Послушай, зачем ты меня преследуешь, иди, погуляй уже где-нибудь, – советовал ему я

– Может, ты боишься, а? Так я тебе скажу, бояться здесь нечего, кроме меня здесь ни кого нет. Уйди, прошу тебя, – теперь я пытался вызвать какую-то жалость.

– Не можешь или не хочешь? – я лихорадочно засмеялся, представив при этом и себя самого стулом. Затем на секунду, жуткий страх пронзил меня и швырнул на пол. Я закрыл глаза, боясь как не сойти бы с ума.

...

Постарайтесь не попадать в такие дома, во всяком случае, надолго, ибо моя история не даст вам советов по выживанию. Целый месяц лил дождь, вернее кроме первой недели, когда был жуткий ветер, а потому я и не высовывал оттуда своего носа. Большую часть суток я умудрялся проспять, а ту меньшую что оставалась, валял дурака, горланя песни, танцуя и бегая взад вперед. Неудивительно, конечно, и то, что время от времени, мне становилось ужасно грустно и даже скучно. И если грусть в своем роде тоже неплохое чувство, то скука уж ни как не добродетель. Это становится ясно, когда скуку пытаешься описать. Грусть вбирает в себя плохое, но борется с ним чувством надежды и справедливости, скука же, угнетает, не давая ничего взамен. В таких местах, как этот дом, проще всего разобраться в чувствах, не в своих собственных, а вообще. В человеческой природе, в принципе. Пытаясь обуздать природу, первым делом, как просохло на улице, я решил покрасить дом. У меня была только крас-

ная краска, но в каком именно цвете должен быть дом, мне указаний не было, а потому я решил сам пофантазировать на тему: как сделать то что хочется из того что по определению должно быть?

Рисунок пятый (что бы это могло быть?). Глава пятая.

...

Стараясь рассмотреть детали, я пялился на табурет, пытаюсь увидеть в нем то, чего не смог разглядеть раньше. Каждая щепочка была изучена мной по тысячу раз и перепроверена снова, я высматривал поры, а взгляд устремлял в самую глубину. Просидев так несколько дней, иль сколь-нибудь дольше, я бросаю взгляд выше и вижу... облака. Пушистые серые замки, летающие по небу. У меня появилось небо. Пусть мое небо не синее и пускай, нет на нем солнца, главное, что оно есть и таким я, наверно, и любил его всегда.

...

Дом был выкрашен в один день. Под силами усердия одного человека, безумно желавшего изменить серость, окружавшую, его бытие. Работа завершилась, и вместе с томными сумерками уходил день. Наутро, мне первым делом захотелось увидеть свое творение при свете белого дня. Едва разлепив глаза после сна, одев только штаны и футболку, я вышел на холодный ноябрьский двор и увидел не то, что изначально хотел. На крыльце возле дома, где я вчера поужинал, сидел и жевал маленький пушистый пес. По самой морде, было понятно, что он именно пес, а не собака. Пополам рыжий и бе-

лый, с длинной шерстью, маленькими лапками, которые едва отделяли его мохнатое брюшко от земли, и грустные глазки были ужасно милыми. Напрочь позабыв о покраске дома, я рассматривал своего пса.

– Как тебя зовут, морда? – подойдя чуть ближе, пес отшатнулся от меня, напыжился, пытаясь гавкнуть, замялся и только неловко чихнул, со смешным звуком, типа: «вульф»!

– Очень приятно мистер Вульф, такое неожиданное знакомство. Пойдешь ко мне жить? – я открыл дверь, приглашая песика внутрь, как и ожидалось, сразу он не пошел. Я попытался найти чего-нибудь съестного в доме, но там ни чего не оказалось, кроме маленького сухарика давно валявшегося на полу. Я взял сухарь и поднес псу.

– Извини друг, все что есть, – слова вырвались не без грусти, я действительно боялся, что пес у меня не останется. Моим пайком на день была булка хлеба, кефир и пакет лапши – на двоих маловато. Тем не менее, Вульф не торопился меня покидать и даже дал себя погладить. С того самого момента я решил сделать все что бы оставить себе пса. Неподалеку от дома была железнодорожная станция, там можно было подзаработать на разгрузке угля. Каждый вторник там проходил товарняк. Много конечно не заработать, но нам с мистером Вульфом многого и не надо.

Рисунок шестой (палитра). Глава шестая.

...

Облака всегда были миром фантазий, для всех, с само-

го детства. В облаках можно увидеть все что угодно, а спрятать за ними можно еще больше. Среди пустоты белого света, очень трудно найти серые, бледные кусочки дыма, но только не мне. За годы, что прошли здесь в белоснежно ярком свете, я сумел бы увидеть даже маковое зернышко с расстояния в тысячу миль. Одно только радует тех, кто не видит цели, пустота и полная безмятежность. Я отправился в путь.

«ну что, посмотрим, что они прячут»? – я кивнул стулу, а затем начался истерический хохот, я пинал стул и он будто вместе со мной закатывался от смеха. Едва улыбка сошла с моих уст, я поглядел вдаль и снова увидел облака, а затем дурацкую табуретку, плюхнулся на пол и зарыдал. Маленькая надежда промелькнула в душе, остатки рассудка вновь возвращали меня в жизнь.

...

–Мистер Вульф, не соизволите прогуляться? – приподняв брови, я играючи посмотрел на пса.

– Непременно Сэр, – будто ответил мне Вульф. Я придумывал фразы для Вульфа, в голове проигрывал диалог и был, абсолютно, доволен нашей беседой. Ни один собеседник не понимал меня лучше, чем мистер Вульф. Мы могли спорить и говорить о чем угодно.

В философии нет полной определенности, точного достоверного и тождественного понятия, а потому скептик и философ никогда не приходят к единому мнению. Несомненно, во мне боролись сразу несколько человек, одного то я любез-

но и предоставил мистеру Вульфу, и он был скептик. Вульф вечно сомневался в моих утверждениях, нередко приводил разумные доводы и едва ли не убеждал.

– Давно ли ты ел старина? – поинтересовался Вульф, который, кстати, ни в чем себе, с некоторых пор не отказывал.

– Чревоугодие не грех, да? – парировал я.

– Ты бросаешься в крайности.

– Знаешь ли ты, как долго человек может обходиться без пищи? – спустя паузу я поспешил ответить на свой вопрос, – двадцать один день, представь. Представь как немного нужно, чтобы работал самый сложный в мире механизм.

– Когда-нибудь твои крайности доведут тебя до могилы.

– Так мы не о еде, что ли говорим?

– Я с удовольствием поговорю о еде, если желаешь...

– Я не конкретно о какой-то булочке говорю... в целом.

Беда не в том, что человечество скоро превратится в аккуратно сваленных колобочков, проблема такова, что еда возомнила о себе больше чем ей полагалось. Слово «кушанье» могло и не появиться в нашем диалекте, не будь еда чем-нибудь большим энергией для человека. Пища начинает забивать уже не животы, она проникает повсюду, возможно, скоро не останется места и для тебя.

– Может ты прав, а может такой сам по себе и тебе так удобнее рассуждать, у тебя нет средств для того чтобы испытать обе стороны. Что если энергия пищи и дает нам жизнь в полном объеме, и именно так мы можем ощутить в ней себя?

– Будь я уверен в правоте твоих слов, мистер Вульф, уж, наверное, мы бы осуществили твою идею. Сложный ответ всегда кажется вернее, вот почему мы все еще не набили себе животы и не занялись сладким сном. Поедим еще, не к спеху.

Рисунок седьмой (надеюсь я тебе не надоел). Глава седьмая.

...

Облака вот – вот навалятся на меня, они уже совсем близко, вытяни руку, прикоснись и они укроют тебя. У самого края облака, я остановился, переводя дух, и уже легкая дымка едва не отделившаяся от большого кома щекочет мой нос. Я иду сквозь облако, кругом маленькие частички воздуха вперемешку с водой будто разделяют мир на пиксели. Идти сквозь облако тяжело, натужно, но мне-то надо узнать, что за ними. Покрываясь зыбкой изморозью, ты будто и сам переходишь в состояние частиц, разлетаясь на мелкие доли, словно испаряясь.

...

Навалившись к стене, сидя на полу в полной безмятежности, я чешу ухо мистера Вульфа. Наверное, как просыпаясь, можно почувствовать, что перебрался в другой мир, где не действует та магия, что еще секунду назад в тебе была. Реальность ли это? Попробуй, угонись за ней, чем чаще я выпадал из нее, тем призрачнее становилась грань. Нет, я пока еще не сумасшедший, но возможно когда-нибудь моя фантазия доведет меня. Нужно сопротивляться, необходимо быть

собой, верить в то, во что всегда верил и постараться быть идеалистом. Осознать свое сумасшествие не сложно, страх бережет тебя, и ты это понимаешь, как боль, как опасность.

За окном ярко светит солнце, и его лучи озаряют весь дом. Мы только позавтракали с мистером Вульфом и разошлись по своим делам. Я сел читать книжку, а мистер Вульф растянулся вдоль широкого лучика света, лежавшего на полу гостиной. В руках у меня был Конан– Дойл, конечно же его знаменитый «Шерлок Холмс», то и дело переносящий меня в различные закоулки Лондона. Подчас мне уже не столько нравилось само действие детектива, как описание места в коем происходило действие. Над городом плывет серая дымка, испарины появляются на каменных домиках Викторианской эпохи, гулко мчатся лошадиные повозки по мостовой, мальчишка горланит с кипой газет, вот уже во всей суете находится место и для меня. Я стою как-нибудь с краю, едва ли мелькая в картинке, лишь у моста в преддверии Темзы маячит мой силуэт.

Рисунок восьмой (еще и еще). Глава восемь.

...

Пой вечно, на небе кричи

Глянь на душу больно

Лежат кирпичи

Пой вечно как вольно

Дыши и не больно

Рождается эхо в тиши

–Слышишь ?! – я понял все сразу и закричал во весь голос, уже и не столько в надежде, как просто включая логику мысли. Я сам себя слышу, вовсе уже и не в голове, мой голос вырвался наружу. Я понял это, как только перестал думать о сказанном, а вернее спетом, ведь когда поешь, слова идут сами собой. Если меня можно услышать, наверное, кто-то должен слушать. Я стал кричать, теперь уже не видя света, во мраке облака, веря в то, что здесь не один.

...

– Мы с тобой очень даже похожи, а? – я обращался к мистеру Вульффу, – ты согласен или просто не говоришь? – снова спросил я.

– Ты хочешь спросить меня на счет Хемингуэя? – мистер Вульф уже не лежал на полу, а сидел с важным видом в кресле, держа трубку в одной из своих лохматых лап.

– Причем здесь Хемингуэй? Я вообще его не упоминал, – немного хмурясь, ответил я. Вопрос мне показался совершенно неуместным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.